

УДК 904(470.56)

И. В. Матюшко

Динамика этнокультурных и миграционных процессов в степях Приуралья в IX—XIV вв.

В статье анализируются средневековые письменные и археологические источники о кочевом населении южноуральского региона. Цитируются записи Ибн-Фадлана и Плано Карпини, а также проанализированы материалы раскопок в регионе, накопленные за многие годы экспедициями В. А. Иванова, Н. Л. Моргуновой и других ученых. Раскрыта динамика этнокультурных и миграционных процессов в степях Приуралья в IX—XIV вв.

Ключевые слова: народонаселение южноуральского региона; средневековые письменные источники; археологические раскопки; курганы кочевников, огузы, печенеги, башкиры, кыпчаки, монголы, татары, река Урал, место и способ захоронения коня, «таборная» стадия кочевания, монгольское завоевание, многоэтничное кочевое население.

Для восстановления этнокультурных и миграционных процессов эпохи средневековья следует использовать данные археологических и письменных источников. В сочетании они дают объективное представление о заселении южноуральского региона. Однако эти источники — памятники археологии и рассказы путешественников — неравномерно наполняют исторические периоды и обеспечивают знаниями о кочевом населении края.

В X веке население региона описал Ибн-Фадлан. Этот автор оставил сообщения о гуззах, печенегах и башкирах [22, с. 21—27]. Наиболее подробные сведения имеются о гуззах: о верованиях, обычаях, традициях в хозяйственной и бытовой сферах, видах одежды, об их внешнем виде, о социальном расслоении, нормах управления. Эти сведения имеют значение для осмысления археологического материала степей Приуралья, хотя следует указать, что в данном регионе пока исследовано не более десятка памятников, соотносимых с огузами [2, 4, 17, 28].

О погребальном обряде гуззов Ибн-Фадлан приводит следующие сведения (как он указывал, они были получены им от самих гуззов): «А если умрет кто-нибудь из них, то для него выроют большую яму в виде жилища, положат его туда, наденут куртку, пояс, лук... вложат в его руку деревянный кубок с назибом (род хмельного напитка), а также поставят перед ним деревянный сосуд с тем же питьем. Потом принесут все его имущество и положат с ним в этой яме. После этого эту яму-дом покроют настилем и насыплют сверху нечто вроде купола из глины (курган). Затем в зависимости от численности убьют сто, двести или же всего одну его лошадь и съедят их мясо, кроме головы, ног, шкуры и хвоста. И, право же, они все это развешивают на деревянных сооружениях и говорят: «На этой лошади он поедет в рай». Если же он был храбр и когда-либо убил человека, то вытесывают из дерева изображения по числу убитых, помещают их на его могиле и говорят: «Эти люди будут служить ему в раю». Если же сородичи отложат обычай жертвоприношения лошадьми на день или два, то их заставляют совершить какой-нибудь старик из числа старейшин. Он им говорит: «Я видел во сне покойного, и он сказал мне: «Вот видишь, товарищи меня уже перегнали, и на ногах у меня от ходьбы образовались язвы. Я не догнал их и остался в одиночестве». Услышав от старейшины такие слова, они берут лошадей усопшего и убивают их, потом шкуры растягивают на его могиле. И когда

• Работа выполнена при поддержке проекта «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала» 2010-1.1-300-151-037

© Матюшко И. В., 2012

пройдет день или два, приходит к ним старейшина и говорит: «Я видел во сне усопшего и он сказал мне: сообщи моим близким и товарищам, что я догнал тех, кто обогнал меня, и нашел себе успокоение» [22, с. 25].

О печенегах сообщение Ибн-Фадлана довольно краткое: «Потом мы прибыли к печенегам (после встречи с гуззами). Они стояли у воды, напоминающей настоящее море. Печенеги — темные брюнеты с бритыми бородами, в противоположность гуззам очень бедны. У печенегов мы стояли один день» [22, с. 27].

По данным археологических раскопок в Приуралье, печенежские погребения с частями коня, которые располагались на одном уровне слева от человека в соответствии с его ориентировкой, имеют аналогии в памятниках кочевников южнорусских степей [23, с. 151—158; 10; 2].

Сведения о башкирах связаны с прибытием посольства в страну башкир: «Мы переправились через Джайх с большим трудом. Через много дней пути нам пришлось переправляться через реку Джаха, потом реку Ирхиз, Бачаг, Самур, Кинал, Сух, после реку Кюнджюлю. Переправившись через эти реки, мы попали в страну башкир, которые относятся к тюркскому племени». Далее Ибн-Фадлан описывает верования башкир, и из этих сведений следует, что они были язычниками [22, с. 28].

Таким образом, в X веке в южной части степей Приуралья кочевали гуззы (огузы), в среднем течении Урала — печенеги, а к северу от них — башкиры. Выделение башкир по погребальному обряду остается достаточно проблематичным. В настоящее время статистически обоснована, по материалам степного Приуралья, зависимость между способом, местом захоронения коня и этнической принадлежностью [13]. Расположение же на карте типов погребений, связанных с огузами, подтверждает их ареал распространения на южной окраине степей Приуралья, в среднем и нижнем течении Илека.

Сложнее определить этническую принадлежность комплексов IX—XI вв. под земляными насыпями без костей коня. Аналогичные им погребения были распространены в южнорусских степях и связываются учеными также с тюркоязычными кочевниками IX—XI вв. — огузами и печенегами [10; 19, с. 69—83; 2, с. 131—160].

С начала XI века в степи Восточной Европы начинается продвижение кыпчаков. В восточных источниках кыпчаки впервые упоминаются у Ибн-Хордадбега (IX в.) в списке тюркских народов, а затем известия о них и о кимаках уже становятся обычными [1, с. 193]. По данным большинства источников, кимако-кыпчакские племена до конца X века были расселены в границах среднего течения Иртыша и смежных с ним южных областей. В VI—XI вв. между этими двумя группами существовала определенная политическая связь, причем кыпчаки были в вассальной зависимости от кимаков, хотя эта зависимость не была стабильной. По сведениям анонимного персидского источника X века «Худуд ал-алам», кыпчаки, заняв территорию западнее кимаков, все же сохраняли политическую зависимость от них, по крайней мере «царь кыпчаков» назначался кимаками. Племенной состав кыпчакского объединения, отмечает Б. Н. Кумек, был сложным и включал девять племен. Как установлено кыпчаковедами, самым крупным объединением была западная группа кыпчаков, расселившихся в IX—X вв. в бассейнах рек Ишим, Тобол и до верховьев Яика (р. Урал) [29, с. 52].

В верховьях р. Урал по данным археологии известны кимако-кыпчакские погребения XI века в сопровождении частей коня, уложенных на ступеньке слева от человека в соответствии с ориентировкой человека под земляными насыпями с применением камней [10; 18; 5]. Каменные конструкции различались: каменные кольца, выложенные на древнем горизонте, а сверху засыпанные землей, были характерны для кыпчаков Верхнего Прииртышья IX—XI вв., а с начала II тысячелетия известны у кочевников степей Восточной

Европы, что отражает миграцию на запад в степи Заволжья и Казахстана. А курганы с каменной наброской на насыпь типа панциря представлены у кочевников северо-западных предгорий Алтая и у кимаков Верхнего Прииртышья [15, с. 74].

Таким образом, различие в каменных конструкциях над погребениями XI века с частями коня, уложенными на ступеньке слева от человека, видимо, было связано с разными этносами. Вероятно, каменные кольца под земляными насыпями связаны с кыпчаками, а каменная наброска типа панциря сверху земляной насыпи — с кимаками.

Этому не противоречат и данные письменных источников, из которых следует, что в конфедерацию кыпчаков входила часть кимаков, канглы, а также части других племенных союзов [1, с. 195].

Следует отметить малочисленность в степях Приуралья погребений XI века, связанных с кыпчакской конфедерацией племен. Возможно, что эти племена находились на первой (таборной) стадии кочевания, для археологии которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно» [24, с. 17].

Во второй половине XIII века Плано Карпини сообщает, что в степях от Днепра до Урала проживали команы, а к юго-востоку от реки Урал (примерно до реки Сырдарья) находилась земля кангитов — таких же кочевников, как команы. Эти народы после продолжительной борьбы были завоеваны татарами (монголами). «Ехали же мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую — Днепр, возле которой со стороны России кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую — Дон, у которого кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью — Волгу. Эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик (Jaes), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегам этих самых рек поднимаются на горы» [9, с. 91].

Таким образом, степи Приуралья в середине XIII—XIV вв. входили в Улус Джучи, но были разделены по правому и левому берегу реки Урал на кочевья, возглавляемые разными предводителями.

В археологическом плане золотоордынский период наиболее насыщен памятниками. В XIII—XIV вв. в степях Приуралья после монгольского завоевания появились овальные или круглые каменные выкладки над погребениями [3; 7]. В то же время большая часть населения региона в этот период совершала захоронения под земляными курганами без костей коня [8; 16].

Вероятно, в XIV веке под влиянием ислама стали возводить мавзолеи и кирпичные оградки [16; 20; 21; 26].

Также в степях Приуралья в XIII—XIV вв. были распространены погребения под земляными насыпями с каменными выкладками-кольцами на древнем горизонте и костями коня, очевидно связанные с тюркским населением Дешт-и-Кыпчака, но в отличие от домонгольского времени в них встречается не шкура, а целый остов коня [6; 7]. Месторасположение коня на ступеньке слева от человека и одинаковая ориентация коня и человека головой на запад или северо-запад являются характерными для тюркских домонгольских погребений степей Приуралья. Все же смена способа захоронения коня, вероятно, была связана с перемещением в золотоордынское время тюркского населения из западных регионов степей Евразии, так как погребения с целым остовом коня, расположенным на ступеньке слева от человека, имеют аналогии в южнорусских степях и Поволжье [23, с. 167; 27, с. 150; 14, с. 151—172; 11, с. 138—141; 25, с. 174—186]. В южнорусских степях погребения с целым остовом коня, расположенным слева или справа от погребенного, связывали с племенами черноклобуцкого союза и половцами.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о многоэтничности населения в степях Приуралья в XIII—XIV вв., так как были распространены разнотипные захоронения. Они связаны с монгольским и тюркским этносами. В этот период шел наиболее активный процесс заселения степей южноуральского региона.

Список источников и литературы

1. Арсланова А. А. Остались книги от времен былых... Казань : Тат. кн. изд-во, 2002. 239 с.
2. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа : Гилем, 2001. 210 с.
3. Граков Б. Н. Отчет о работах в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг. Т. 2. М. ; Л. : ОГИЗ : Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. С. 100—116.
4. Гуцалов С. Ю. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара : Изд-во СамГПУ, 1993. С. 91—94.
5. Заседателева С. Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1980 г. Орск, 1981 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8855.
6. Заседателева С. Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г. Орск, 1989 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13345.
7. Иванов В. А. Отчет о разведке и раскопках в Оренбургской области в 1982 г. Уфа, 1982 // Архив АЛ ОГПУ. № П-22/1982.
8. Иванов В. А. Научный отчет о раскопках средневековых памятников в Оренбургской области в 1988 г. Уфа, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14087.
9. Карпини П. Путешествие в евразийские степи. Алматы : Кочевник, 2003. С. 3—115.
10. Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X—XIV вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 26 с.
11. Круглов Е. В., Клепиков В. М. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 138—151.
12. Кушаев Г. А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск : Диалог, 1993. 171 с.
13. Матюшко И. В. Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX—XIV вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 24 с.
14. Мамонтов В. И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // Древности Волго-Донских степей. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1993. Вып. 1. С. 151—172.
15. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
16. Моргунова Н. Л., Краева Л. А., Матюшко И. В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. Вып. 7. С. 5—49.
17. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках Боголюбовского Курганного могильника в Новосергиевском районе Оренбургской области в 2011 году // Архив ИА РАН.
18. Мошкова М. Г. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Чкаловского областного музея в 1959 году. М., 1959 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2034.
19. Мыськов Е. П. Погребения кочевников IX—XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Волгоград : Изд-во ВОЛГУ, 1993. Вып. 3. С. 69—83.
20. Попов С. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1968 г. Оренбург, 1969 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3956. С. 19—23.
21. Попов С. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции 1970 г. Оренбург, 1970 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5438. С. 24.
22. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. под ред. И. Ю. Крачковского. Казань, 2002.
23. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том 1. Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1958. № 62. С. 151—226.
24. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. 188 с.
25. Сташенков Д. А. Белозерское погребение // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. Самара, 1999. С. 174—186.
26. Турецкий М. А. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 1993 году. Оренбург, 1993 // Архив АЛ ОГПУ. П-90/1994.
27. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Наука, 1966. 271 с.

28. Федорова-Давыдова Э. А. Отчет о работе Увакского отряда Оренбургской археологической экспедиции. М., 1960 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2227.

29. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента. Ташкент : Фан, 1974. 139 с.

Поступила в редакцию 17.07.2012 г.

Ирина Вячеславовна Матюшко, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Оренбургский государственный педагогический университет.
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: irina_dojnikova@mail.ru

I. V. Matyushko

Dynamics of ethnocultural and migratory processes in Cisuralian steppes in IX—XIV centuries

The article analyzes the medieval written and archaeological sources for the nomadic population of South Ural region. It quotes records of Ibn Fadlan and Plano Carpini, as well as analyzes excavated material in the region, accumulated over many years of expeditions by V. A. Ivanov, N. L. Morgunova and other scientists. The paper reveals the dynamics of ethnic, cultural and migration processes in Cisuralian steppes in the IX—XIV centuries.

Key words: South Ural region population, medieval written sources, archaeological sites, nomadic mounds, Oghuz, Pechenegs, Bashkirs, Kipchaks, Mongols, Tatars, the Ural River, the place and method of horse disposal, “tabor” stage of nomadism, the Mongol conquest, multi-ethnic nomadic population.

Irina Vyacheslavovna Matyushko, Candidate of Historical Sciences, assistant professor
Orenburg State Pedagogical University, Department of Russian History
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: irina_dojnikova@mail.ru